

СКАЗКИ ОСВИИ

ДВА БРАТА

Татьяна Бондарь

12+

Татьяна Бондарь

Сказки Освии. Два брата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63766193

SelfPub; 2022

Аннотация

Над богатыми домами Освии светятся магические купола, оберегая своих хозяев. Древнее заклинание делает невозможным для дворян нарушить данное ими слово. За порядком и миром присматривают добрейший король Альвадо и великие боги – Солнце и Хранительница Весов. Кажется, ничто не может нарушить покой мирного королевства. Но...

Александра, по прозвищу Лисичка, оказывается втянутой в дела герцога Страха, которого боятся и ненавидят все жители королевства. В компании наглого кота Альберта ей предстоит раскрыть тайны короля, найти правду и помочь друзьям разобраться с серьезными проблемами. Сможет ли она восстановить справедливость – известно только великой богине, наблюдающей за жителями Освии из своего волшебного мира.

Содержание

С чего все началось	5
Котище	13
Тетка Котлета	26
Легенда про Мать Хранительницу Весов	38
Зачем сирота тетке	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Татьяна Бондарь

Сказки Освии. Два брата

Спустя много времени после того, как произошли все эти события, я вспомнила, что в последнюю ночь перед отъездом мне приснился сон. Я стояла посреди поля лунных лилий, а напротив меня была Мать Хранительница. Вместо весов, которые она обычно держала, в руках ее был венок. Светлые волосы ее спускались до самой земли, и казалось, что уходили вглубь, как корни деревьев. Она надела венок мне на голову, и я поняла, что сама была Хранительницей. Это мои русые волосы уходили под землю, и меня согревал своей любовью бог Солнце.

Я проснулась с легким ощущением, будто и вправду была немного богиней. Это приятное чувство очень быстро пропало. Трудно сохранять хорошие мысли, когда в твоём супе плавает дохлая мышь.

С чего все началось

Из приюта меня выслали с таким нескрываемым удовольствием, что это было даже неприлично. Старшая наставница еще сутра откупорила бутылочку неплохого вина в честь этого события, и до самого обеда из ее кабинета доносилось нескладное пение в несколько голосов, наводящее на мысль, что праздновала она не одна. Наставница не поленилась выйти на крыльцо, когда прибыла почтовая карета, чтобы своими глазами увидеть, как я в нее сажусь. Красная, довольная, она вышла меня проводить в одном из тех платьев, которое отобрала год назад, когда я пришла под двери приюта. Наставница была тощей, как щепка, только поэтому и смогла ущемиться в мое старое платье, полностью расшнуровав корсет. Платье смотрелось на ней неуклюже, обычно наставница одевалась куда приличней, наворованных денег хватало на роскошные наряды, но сегодня ей было необходимо поиздеваться надо мной напоследок. Пританцовывая на месте, она помахала сухой ручкой на прощанье, и на миг высунула язык. Широко улыбнувшись и помахав в ответ, я залезла в дешевую карету почтовой королевской службы, неудобную даже на вид, заранее предвкушая, как к концу пути у меня будет болеть все тело. Карета закрипела и тронулась, увозя меня от противной вороватой старшей наставницы к еще более отвратительной тетке, жившей, как казалось мне

тогда, на краю света.

Ехать предстояло долго. Сперва я смотрела в крошечное оконце на дверце, считая верхушки неспешно проплывающих деревьев. Это быстро наскучило, и я незаметно погрузилась в полудрему воспоминаний. В приют я попала год назад, когда «сердобольные» соседи сожгли дом моих родителей. Мне было очень горько потерять его, но людей можно было понять, в то время многие так поступали. Родители умерли от болотной чумы, которая свирепствовала в наших краях почти пять лет и свела на тот свет немало народа. Соседи побоялись, что заразу разнесут крысы, блохи или бродяги, готовые поискать добро даже в таком доме.

Моим бедным родителям не повезло, лекарство от чумы было найдено королевскими магами спустя пару месяцев после того, как их не стало, а меня спасло от нее то, что я жила и училась в соседнем городе и давно не видела родителей.

Трактир, который они устроили на первом этаже нашего дома, давал мне возможность учиться в институте для благородных девиц, к которым я никакого отношения не имела. Если сказать прямо – мне в нем совершенно было не место, но папа очень гордился мной и хотел дать лучшее образование, какое только мог, а с деньгами можно было устроить и это. Поэтому он отправил меня учиться в ближайший город, где благородство и деньги были почти равноценны.

Я проучилась там два года и узнала, что моих родителей не стало, только когда директриса выставила меня со всеми

моими пожитками за порог, не получив оплаты за следующий месяц. Мне было тогда уже пятнадцать, я была достаточно взрослой, чтобы жить без посторонней помощи, если бы было где. Я вернулась в родной город и обнаружила, что не стало и дома. Из родственников, еще не отправившихся в храм к Хранительнице, у меня осталась только тетка Котлета, но о ней не хотелось даже думать.

На мое счастье, король Альвадо был добрым и мудрым правителем, он всячески помогал бедствующим людям, вдовам и детям-сиротам, таким, как я. Приюты работали по всей стране и принимали детей до шестнадцати лет. В один из таких я и пошла, вся в слезах, с четырьмя платьями в чемодане и с абсолютным непониманием, как мне дальше жить. Сначала меня не хотели принимать из-за моего возраста – я показалась наставнице достаточно взрослой, чтобы жить на улице, но рассмотрев в моем чемодане четыре прекрасных платья и узнав, что я умею читать, писать и считать – наставница великодушно передумала и разрешила мне остаться.

Жалеть о платьях было некогда, работы на меня навалилось гораздо больше, чем я могла себе представить. До обеда все мое время уходило на составление скучнейших документов. Они делились на два вида – в первых были слезные просьбы передать на содержание бедных сирот больше денег, а во вторых – описание, куда и на что были потрачены уже полученные. Второй вид писем требовал куда большего воображения и усилий.

После скучного обеда мне приходилось идти в корпус с новорожденными, кормить, стирать, прибираться без конца, и все это под непрекращающийся плач вечно недовольных младенцев. Впрочем, другие взрослые дети делали почти все то же. Приют наполовину держался на труде таких же подростков, как и я. От усталости мы еле добирались до кроватей каждый вечер, и то короткое мгновение, которое у меня оставалось перед сном, я жалела, что пришла сюда.

Так я прожила полгода, пока однажды не выдержала и не сказала наставнице, что отказываюсь вести за нее всю бумажную работу, и, что дети не должны трудиться больше, чем наставники. Я подкрепила свою речь несколькими сильными словами, которые были строжайше запрещены в институте для благородных девиц. Наставница на миг застыла с открытым ртом, а потом разразилась такими проклятьями, что даже мои запрещенные слова показались вечерней молитвой. Когда она, наконец, иссякла, меня отправили к самой лютой воспитательнице, какая была в приюте – ведьме Мут. Ведьмой она на самом деле не была, а прозвище получила за жестокость. Основной ее обязанностью были физические наказания провинившихся детей, и это у нее получалось выше всяких похвал. Ведьма Мут наказывала меня по категории «крайне строго» примерно час. Я неделю не могла сидеть и пролежала в больничном крыле с компрессом на том самом месте.

Наставница ожидала, что после этого я вернусь к обыч-

ным своим обязанностям, но мне было так обидно, что я опять отказалась работать – на этот раз из гордости. Наставница чуть не взорвалась от злости – за эту неделю ей пришлось самой делать все то, что делала я, и ей это не понравилось. Сначала она кричала, потом как-то неестественно переключилась на лесть и уговоры. Но у нас в институте даже был предмет «Лесть и уговоры», так что я не поддалась – и опять попала к кошмарной Мут, которая на этот раз превзошла саму себя. Потом я опять долго лежала больная.

Как раз в это время случилась очередная королевская проверка, смотритель заинтересовался причиной моей болезни, и несмотря на то что нянечки юлили как могли, большой компресс на моих ягодицах выдал их с потрохами. Не знаю, что смотритель говорил потом наставнице, но больше меня не трогали. Ненавидели, но не трогали.

Как оказалось, после этого наставница стала воодушевленно искать способ от меня избавиться, да так, чтобы сделать побольнее, и нашла. Тетка Котлета, каким-то чудом, согласилась меня принять. Почтовую карету наняли на следующее же утро, и теперь встреча с теткой казалась неизбежной. Оставалось трястись по брусчатым дорогам и смотреть, как неумолимо темнеет за окном. Все тело, как я и предвкусывала, болело от бесконечной тряски.

Королевская почта работала даже по ночам, поэтому остановки на ночлег не предвиделось, предстояло трястись до следующего утра. От этой мысли ломота еще больше усили-

лась. Мы проезжали какую-то деревушку, забытую Хранительницей, но не королем, чтобы сбросить там один мешок с почтой, подобрать другой и поехать дальше. В деревушке было домов пятьдесят, и выглядела она неказисто. Здесь не было не то что ни одного магического купола, но даже и мощеной дороги, что в наших краях редкость. Карета остановилась всего на минуту, почтальон выгрузил тощую стопку писем встречающему нас сельскому коллеге. «Чудо, что тут вообще кто-то умеет читать», – подумала я, когда карета снова заскрипела и тронулась.

От шума и тряски начинала болеть голова, но я знала, что худшее еще впереди. Завтра утром тетушка, с распростертыми хищными объятями, примет меня в свой дом. Хотелось бы мне знать, зачем я ей понадобилась? Может, съесть меня хочет? Это многое бы объяснило. Мне понравилась эта мысль, и я стала придумывать историю про тетушку-людоедку, про ее шестерых сыновей-упырей и про наставницу приюта – кровопийцу и душегубку, вступившую с ними в преступный сговор.

У тетки действительно было шестеро сыновей, но звали ее, конечно же, не Котлета. Она носила благородное красивое имя Эльза, не подходившее ей, насколько это возможно. Котлетой ее прозвал мой отец, когда его брат, мой дядя, приехал в очередной раз жаловаться на собственную жену.

– Я говорил тебе, не женись на этой холодной котлете, – сказал тогда отец. Вряд ли это сильно утешило дядю. Он бо-

ялся Эльзу больше, чем кто-либо другой. Его можно было понять. Тетя Котлета, высокая и тощая, всегда была всем и всеми недовольна. Ее сухое лицо вечно кривилось, а на голове торчала гулька из темных с проседью волос, смещенная набок и в самом деле похожая на котлету. На людях она вела себя сносно, иногда даже приветливо, но стоило дверям в ее дом закрыться, как на родных опрокидывался поток неиссякаемой злобы, часто подкрепленный тяжелыми ударами. Такое поведение еще можно было бы терпеть раз в месяц, но не каждый день. Любовь дяди к тетке иссякла почти сразу, и потянулись годы каторжной необходимости быть вместе, скрепленной узами брака.

Несмотря на все это, через пару лет мы ехали к дяде в гости поздравить с рождением очередного ребенка, уже третьего по счету мальчика. На скромном застолье я случайно разбила чашку с желтой розочкой. Это и стало роковой случайностью, испортившей наши отношения с теткой навсегда. Как она тогда кричала! Ее не смогли удержать ни дядя, ни отец. Все жители захудалой деревни слышали, как меня лупили ремнем под злорадный хохот двоюродных братьев, а вот то, что на этом наказание не кончилось, знали только домашние. Меня заперли в чулане, в полной темноте без еды и воды на целый день, и это было куда хуже ремня. Чулан стал склепом, в котором меня похоронили на бесконечные страшные часы. Мне казалось, что я останусь там навсегда, и я даже не сразу поверила, когда его дверь наконец откры-

лась, впуская в душную комнатенку немного света.

Из наших следующих встреч тоже не вышло ничего хорошего. Проклятая чашка не давала покоя моей тетке годами, в ее доме я всегда была недокормленной, запуганной и виноватой. Я же в свою очередь никак не могла простить ей чулан.

Печальные воспоминания увели меня слишком глубоко, превратившись в тяжелую тревожную дремоту, поэтому я не сразу заметила произошедшие в карете перемены. Только металлический грохот, с которым упал увесистый поднос из почтового мешка, вернул меня в реальность. От неожиданности я подпрыгнула и больно ударилась головой о потолок кареты. Не веря своим глазам, я уставилась на огромного рыжего кота, залезшего до половины в самый большой почтовый мешок, и бесцеремонно выбрасывающего оттуда вещи.

Котище

Карету сильно трянуло, и я упала обратно на жесткое сиденье. Кот соизволил обратить внимание на громкое «ой», вырвавшееся у меня. Он высунул морду из мешка и, как мне показалось, нагло улыбаясь, сказал:

– Совсем никакой интересной почты, детка. Зато смотри, что я нашел, – и он показал мне лапу, в которой была зажата свернутая кольцом колбаска. – Хочешь кусочек?

Кот был таким большим, что, скорее, походил размерами на рысь, чем на обычного кота. Возможно, он казался больше, чем был на самом деле, из-за густой и длинной шерсти, которая доставала почти до земли из-под его пуза. Но это все удивляло, конечно же, меньше, чем факт, что зверюга разговаривала. Я все еще тарасилась на него, не зная, что сказать.

– Ну, как хочешь, – котище ответа долго ждать не стал, развалился на мешке и начал есть добытую таким сомнительным путем колбасу, при этом умудряясь хитро улыбаться.

Карету трянуло снова, приложив меня на этот раз головой о стенку. Это, как ни странно, пошло мне на пользу, я обрела дар речи.

– Ты откуда взялся? – смогла я наконец перевести в слова свое недоумение.

– Из деревни, конечно. Дыра еще та, скажу я тебе.

Кот был такой огромный, что было совсем непонятно, как я не заметила его сразу. Тем временем он расправился с колбасой и стал развязывать веревку на следующем мешке.

– Ты что, – опомнилась я. – Этого же нельзя делать!

– Честная какая! – фыркнул кот, повернулся ко мне спиной и принялся за узел с двойным усердием.

– Ну ты и нахал! – возмутилась я. – По мешкам будешь лазить ты, а отвечать за это придется мне?

Я попыталась схватить кота, но он, несмотря на свой солидный вес, оказался прытким и увернулся, при этом не выпустив веревки из лап.

– Помогла бы лучше, детка, без пальцев неудобно развязывать.

– Меня, в отличие от тебя, родители воспитывали.

– Правда? – удивился кот. – Тогда при виде меня ты должна была встать, сделать реверанс и сказать: «Добрый вечер, ваша светлость! Как приятно, что вы почтили меня своим визитом!»

– Не велика ли честь для кота? – возмутилась я.

– Нет, со мной так всегда здороваются прекрасные дамы, я же герцог.

– Герцог, который ворует чужую колбасу? Что-то не верится, – усомнилась я в знатном происхождении шерстистого попутчика.

– В последнее время мне приходится добывать еду таким сомнительным способом. Знаешь, малышка, трудно зарабо-

тать на колбасу, когда ты кот.

– Так лови мышей!

– Фу, какая гадость. Я до такого никогда не опускаюсь. Как я уже говорил, я благородного происхождения и предпочту голодать, чем есть всякую подозрительную дрянь.

Он справился с узлом, пошарил в мешке и достал оттуда бумажный сверток.

– Зачем есть мышей, если есть печенки! – добавил он, бесцеремонно разрывая упаковку когтистыми лапами. – Хочешь одну?

Я оставила попытки поймать кота. Честно признаться, я не очень-то и старалась, этот кот запросто мог дать сдачи. Печенек мне очень хотелось, я сладкого не ела уже год, да и вообще в приюте едой не баловали.

– Нет, не хочу, – соврала я, а живот при этом предательски заурчал.

– Ну-ну, – ухмыльнулся кот, уже разжевывая первую печенку. Его проблемы морали, похоже, не волновали.

– Тоже мне кошачий герцог, – усмехнулась я.

– Я не кошачий. Я настоящий. Только меня заколдовали. Так что считай, что тебе повезло. Ты мне поможешь расколдоваться, мы поженимся и будем жить долго и счастливо, все как в сказках. Вы же, девушки, любите, когда, как в сказках?

– А когда ты был человеком, ты тоже был таким толстым и проверял чужую почту?

– Я был стройным и красивым, а чужую почту, конечно

же, проверял, – невозмутимо ответил кот. – Нас этому с детства учат. Надо быть начеку и читать всю переписку, какую сумеешь раздобыть. А вдруг тебя хотят отравить? Или очернить перед королем, что куда опасней. Кроме того, можно перехватить чужое письмо, а вместо него отправить поддельное, выгодное для тебя.

– А в почтовой карете что делает ваша светлость? Ищет негодные письма? – насмешливо поинтересовалась я.

– Нет, – недовольно поморщился кот. – В карете наша светлость прячется. А ты мне будешь помогать, если понадобится. Кстати, называй меня Альберт, так будет удобней.

Я поняла, что в ближайшее время от общества наглого кота не избавлюсь, поэтому решила, что сказать свое имя все равно придется.

– Меня зовут Александра.

– Александра, Леся... Лисичка, значит, – мяукнул кот, выбрав для себя одно из сокращений моего имени. – А что, мне нравится.

Мне не понравилось. Так меня называли в институте, а добрых воспоминаний оттуда у меня осталось мало. Благородные девицы из богатых древних родов всегда задирали свои маленькие острые носики и произносили «Лисичка» с некоторым презрением. Их имена были громкими и звучными, такими как Альбертина, Марилианна или, к примеру, Фларилия. Никаких сокращений они не допускали.

Кот, между тем, уже почти доел печеньки. Дорога стано-

вилась все хуже, мы въезжали в лес. «Только бы не напали разбойники», – забеспокоилась я. Альберта такая мелочь, как разбойники, похоже, вообще не волновала. Или он своим кошачьим мозгом не понимал, что вероятность повстречаться с ними вообще есть, или решил для себя, что кот разбойникам вряд ли понадобится, с него, кроме шкуры, взять нечего.

– Так что, Лисичка, куда ты едешь? – рот у Альберта наконец освободился, и он решил развлечь себя беседой со мной.

Он развалился, вытянув лапы, на самом большом, бархатном мешке, предназначенном для перевозки дворянских писем, и приготовился слушать. Я подумала, что фанатичные королевские почтальоны утопят либо его, либо меня, либо нас обоих, за такое кошунственное отношение к письмам господ. Почтальоны всегда были очень преданы своему делу и до тошноты педантичны. Они были готовы защищать вверенную им переписку чуть ли не ценой жизни, поэтому мысль об их гневе не была такой уж абсурдной. Мне даже казалось, что на всех почтальонов королевские маги накладывали специальное заклинание, которое вселяло в них трепетное отношение к письмам и посылкам. Это помогало уберечь секреты, которые им предстояло перевозить каждый день из города в город.

Ответить Альберту на его вопрос я не успела. Снаружи послышались голоса, и карета начала сбавлять ход. «Либо разбойники идут грабить, либо почтальон топить,» – поду-

мала я, наполняясь липким страхом.

Но я ошиблась. Никто не спешил открывать дверцу кареты, а голоса звучали все громче. Снаружи хорошо улавливался страх примерно из пяти источников. Одним из них был кучер, он находился ближе всех, и его испуг был самым ярким, вспыхнувшим внезапно. А вот остальные боялись иначе. Их страх был не резким и внезапным, а тягучим, спрятанным вглубь. Они будто были вынуждены жить с ним изо дня в день и привыкли к такому своему положению.

– Странно, – сказала я и посмотрела туда, где только что сидел котище. Мне хотелось узнать, что он думает по этому поводу, но спрашивать было не у кого. Кот исчез, только пустая упаковка из-под печенья валялась рядом с выпотрошенным мешком. Я подтянула ее носком сапога и спрятала под платьем – лучше почтальонам не знать об украденном печенье. И тут по моим ногам чиркнул пушистый хвост – котище залез ко мне под подол, причем когда и как он там очутился, осталось для меня загадкой.

– Нахал! – задохнулась я от возмущения. В другой ситуации я бы не шептала, но очень уж не хотелось привлечь к себе внимание.

– Прикрой меня, детка, – шепнул в ответ кот. – Это за мной.

Прикрой его! Этот кот весил почти как половина меня. Трехлетнего ребенка было бы проще спрятать под юбкой, чем этого пушистого нахала. Да и с какой стати мне его при-

крывать? Я попыталась вытолкнуть кота ногой наружу, но бессовестное животное обхватило мои ноги лапами и держалось изо всех сил. Должна сказать в его защиту – когти он не выпускал.

Карета тем временем совсем остановилась. Я замерла, перестав бороться с пушистым монстром. Общий страх снаружи захватил на минуту и меня. Стало очень тихо. В этой тишине были хорошо слышны шаги, приближающиеся к карете. К нам подходил человек, который не боялся ничего на свете, это его боялись все. Кот под моими ногами замер. Я вжалась в спинку жесткого сиденья, наивно полагая, что неведомая опасность обойдет меня стороной, пропустит, не заметит. Это было похоже на то, как дети прячутся под кровать, когда боятся. Но, как это всегда бывает, детские надежды не оправдались, дверь кареты медленно открыли снаружи.

Человек, которого я увидела, был мрачным воплощением дворянской красоты. Стройный и высокий, он был одет в дорогой дорожный костюм. Каждая деталь выдавала в нем воспитанного по-королевски господина. Его образ портили две вещи – глубокая вертикальная морщина, разделявшая лоб пополам, и пустые, мутные глаза, которые было неожиданно видеть на таком умном лице. Мое сердце ударило несколько раз быстрее, чем обычно, а потом как будто перестало биться вообще.

Все разговоры в институте благородных девиц были толь-

ко о любви и о замужестве. Я их терпеть не могла. Эти «благородные девицы», мои ровесницы, готовили себя только к этому, не уделяя существенного внимания ничему больше. Они все время были влюблены. В каких-то поэтов, актеров, графов и даже простых незнакомцев, которые проходили с важным видом по улице. Сначала меня это смешило. Их любовь была короткой, как жизнь мотылька и исчезала на следующий день, но когда вокруг тебя все постоянно влюблены, а ты никогда и ни в кого, волей-неволей задаешься вопросом «почему?». Под конец моей учебы я начала себя чувствовать ненормальной, не способной на любовь вообще. Я никогда об этом не говорила и даже боялась признаться самой себе, но в моей душе институтские подруги поселили страх, что я не полюблю никогда.

И вот сейчас все это превратилось в пустое волнение из прошлого, потому что я полюбила человека, которого все боялись, которого я видела в первый раз и который сейчас цепким взглядом осматривал карету и меня.

– Сирота? – спросил он ледяным голосом.

– Да, ваша светлость, – ответила я. Сирот всегда развозили к родственникам почтовые кареты.

– С тобою кто-то едет? – он посмотрел на примятый мешок, где минуту назад лежал кот.

– Нет, – соврала я не потому, что хотела его обмануть или помочь Альберту. Ответ вырвался у меня случайно, голова отказывалась работать, и я забыла обо всем на свете.

Выражение лица незнакомца изменилось, его взгляд прояснился, и он показался на секунду удивленным.

– Ты что, меня не боишься? – спросил он.

– Нет, ваша светлость. Похоже, я вас люблю, – ляпнула я, тут же пожалела о сказанном и жутко смутилась, но вырвавшиеся слова вернуть назад было нельзя.

Брови незнакомца поползли вверх. Мои тоже. Я сама от себя такого не ожидала. Он ничего не сказал, развернулся и пошел прочь от кареты, бросив в сторону сопровождавших его слуг:

– Его здесь нет, уходим.

Я так и продолжила смотреть на его строгую ровную спину, не в силах отвести глаз. Карета тронулась, и в маленьком окошке снова замелькали деревья, чужой страх стал исчезать.

Когда наша карета отъехала достаточно далеко, кот не спеша вылез из-под моего платья и улегся обратно на мешок. Глаза его были круглыми от удивления, он долго молча лежал и таращился на меня. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем к болтливому животному вернулась словоохотливость.

– Ну ты и выдала! – сказал кот. – Ты хоть знаешь, кто это был?

Я помотала головой. Страшно было открывать рот, чтобы из него опять не вылетело что-то глупое.

– Это был герцог Страх, слышала о таком? Или ты из та-

кой глухой деревни, что не знаешь о нем?

Герцога Страха по-настоящему звали Рональд Бенедикт Освийский, и его знали все. Не было настолько глухой деревни, чтобы не слышать о нем. Поговаривали, что он собрал вокруг себя двенадцать сильнейших магов королевства для собственной защиты. Каждый месяц он осыпал их золотом под стон народа, чьим трудом это золото добывалось. Маги взамен обеспечивали его безупречной защитой. Считалось, что герцога нельзя убить. Его нельзя было отравить, заколоть, утопить, заразить смертельной болезнью, подстроить для него ловушку. Помощь магов делала его неуязвимым. Среди людей ходил слух, что даже просто замыслив что-то недоброе против герцога, можно было отправиться к Матери Хранительнице.

Власть герцога становилась все сильнее, и даже наш добрейший король Альвадо его боялся. По слухам, последние три наемника были подосланы к герцогу именно им, дабы облегчить бремя народа, но всех их постигла неудача. Наемники исчезли бесследно, а герцог продолжил процветать, купаться в роскоши и чужих слезах. Говорили также, что герцог казнил неудобных ему людей, темницы его замка были переполнены и их стены сотрясали крики пытаемых. Но самым страшным злодеянием, которое ему приписывали, была та самая болотная чума.

Началось все с герцогских торфяников. Слуги, а вернее сказать – рабы, возмущенные жестоким обращением, подня-

ли бунт, убили надсмотрщиков и попытались бежать. Их переловили и вернули на места. Герцог Страх, узнав о непослушании, захотел наказать бунтовщиков по-особому, так, чтобы запомнили все. По его заказу кто-то из бессовестных магов, призвал из недр болот неведомую доселе страшную болезнь. На следующее утро умерли все рабы на торфяниках герцога. Маг хотел вернуть болезнь обратно, но не сумел. Выпущенная на волю, она напоминала неуправляемого демона, не захотела насытиться малыми жертвами, убила мага, вырвалась на свободу и расползлась по ближайшим лесам и селам, проникая сквозь закрытые двери и окна, становясь водой и пищей. Всего за неделю она сумела коснуться едва ли не каждой семьи в Освии, беспощадно забирая всех, кого хотела. Вот и выходило, что стараниями герцога Страх, мой приют был переполнен детьми.

Ненависть к герцогу росла, и имя его звучало в самых страшных проклятиях, произносимых вместо молитв Матери Хранительнице перед сном. Я тоже стала сиротой из-за герцога. На душе было горько и больно. Мои светлые чувства угасли, только появившись, еще быстрее, чем любовь пустых болтушек из института.

– Он искал тебя? – спросила я, чтобы отвлечься от чудовищной пустоты в душе.

– Меня, – спокойно ответил кот. Альберта не особо беспокоило, что на него охотится главный злодей королевства. Может быть, он и не был дворянином, но уж точно не был

трусом.

– А от тебя-то ему что нужно?

– Он ищет меня, чтобы убить. А мне этого не хотелось бы, я слишком хорош, умен и молод. Мне всего двадцать три. Тем более я не хочу умереть котом. Хотелось бы вернуться в свою шкуру, хотя вернее будет сказать – кожу. Поэтому спасибо тебе, что меня не выдала, за мной должок.

Я подумала, что раз жестокий герцог ищет Альберта, то шансов спастись у него нет, лежать его рыжей шкурке пушистым ковриком у камина. Еще помочь Альберту значило навлечь на себя беду. Мне жутко хотелось узнать, что такого мог сделать кот, чтобы герцог самолично отправился его ловить в густую сельскую грязь.

– А что нужно, чтобы тебя расколдовать? – осторожно поинтересовалась я.

– Нужно, чтобы меня поцеловала прекрасная юная девушка, – ответил Альберт очень серьезно, с надеждой глядя мне прямо в глаза.

Я на секунду засомневалась, но мне всегда нравились сказки с превращениями, и было очень интересно взглянуть, а тем более принять участие в таком. Я нагнулась и чмокнула кота в подставленную с готовностью морду. Ничего не изменилось. То ли я оказалась недостаточно юной, то ли не очень прекрасной, то ли кот на самом деле был подлым обманщиком. Посмотрев на него, я поняла, что, скорее всего, третье. Альберт чуть не свалился с мешка от смеха.

– Поверила, – хохотал он. – До чего же ты наивная. А доверять первому попавшемуся коту тебя тоже родители учили? А вдруг я брат герцога и такой же негодяй, как и он сам, или даже хуже?

Я обиделась и отвернулась к окну, а кот еще долго смеялся, довольный своей выходкой. Я решила, что больше не буду говорить с этим пушистым обманщиком. Он это понял и даже не пытался снова начать разговор. Вытянувшись на мешке, он закрыл глаза и уснул, все еще довольно улыбаясь. Я позавидовала ему. В том, что ты кот, есть свои плюсы – коты всегда умеют устроиться удобно.

Наконец темнота, позднее время и усталость взяли свое, меня стало клонить в сон, и он вскоре смог победить даже нестерпимую тряску кареты.

Тетка Котлета

Когда я проснулась, было утро. Карета стояла. Снаружи кто-то громко говорил и смеялся. Почтальоны шли выгружать письма. Я дернулась, подскочила и посмотрела на мешки, они выглядели нетронутыми и были завязаны, как и прежде, секретным почтовым узлом. Я вздохнула с облегчением, хоть этой проблемы мне удалось избежать. Связываться с почтальонами совсем не хотелось. Между тем никаких признаков вчерашнего присутствия кота тоже не было. «Будто приснилось, – подумала я. – Даже шерсти нигде не осталось».

Коротко стриженный, маленький бодрый мужчина с усиками открыл дверцу. Он был в специальной форме служителя королевской почты, и, как и все его коллеги, явно этим гордился. Его синяя рубашка с вышитым на рукаве конем, символизирующим скорость, сияла чистотой и опрятностью выглаженных складок. Именно она превращала невзрачного бородача в завидного жениха. Девушки мечтали о браке с почтальонами. Служители королевской почты получали хорошее жалованье и пользовались уважением, а это притягивало в мужчинах больше, чем красота. Но беря себе в мужья почтальона, стоило понимать, что ради своего дела он может бросить и невесту в первую брачную ночь. Он самоотверженно вырвется из страстных объятий, возьмет вверен-

ный ему конверт, поскачет на край света, и вовремя доставит письмо одной древней старушки к другой. Его не остановит даже знание, что в письме рассуждается о пользе конского навоза для роз.

– Выходи, приехали, – сказал тем временем бородатый почтальон, доставая из кареты тот самый бархатный мешок, в котором вчера рылся кот.

Почтальон не заподозрил, что мешок вскрывали. С чувством невероятного восторга и благоговения, он на вытянутых руках понес его в здание почты, проявляя к нему куда больше уважение, чем ко мне. Я выглянула из кареты, куда не было видно и здесь. Кругом суетились люди в синей форме с лошадьми на рукавах. Почтовое здание было двухэтажным и, похоже, самым большим и значимым в этом городе. Городок был небольшой, провинциальный, но почта, как всегда, была на высоте.

Я вышла и осмотрелась. У меня зудом по спине прошла мимолетная идея. Если никто не пришел меня встретить, был шанс скрыться с глаз занятых письмами и посылками королевских служителей, и бежать, бежать, бежать. Тогда тетка Котлета так и останется просто плохим воспоминанием и не займет собой реальность. Но в этот момент я увидела и узнала в прыщавом подростке, мнущемся в стороне, своего старшего двоюродного брата Мартина. Он стоял, сутулясь и нервно глядя по сторонам, как дворняга, готовая в любой момент получить пинок в живот. Если бы он встал ровно и

был не таким худым, то показался бы настоящим великаном. Когда я его видела в последний раз, он был нахальным, злым забиякой. Я хорошо помнила его. Это именно он, играя со своими братьями, придумал во второй раз запереть меня в чулане, повторив для меня кошмар, созданный его матушкой.

Когда брат увидел меня, я почувствовала, что он сильно трусит и будто стесняется. Внезапная волна мелкого злорадства поднялась во мне. Раз уж не удастся сбежать, так я хоть повеселюсь. Привлекая всеобщее внимание, во всю ширину легких я закричала:

– Кузен Мартин!

Он завертел головой, оглядываясь и оценивая, много ли людей смотрят на нас. Когда понял, что смотрят все, ссутулился еще больше, я даже подумала, что скоро его голова спрячется в собственном кармане. Довольная выходкой, я пошла вперед с высоко поднятой головой, выбрав походку номер три (вышагивающий павлин). Это произвело неизгладимое впечатление на жителей небольшого провинциального городка. В нем так ходили разве что самодовольные почтальоны в конце удачного дня, да петухи, обхаживающие куриц. Пожалуй, походка номер три произвела бы еще больший эффект, если бы мне не пришлось подволакивать за собой чемодан.

Боковым зрением я увидела, как из открытого рта отдыхающего в стороне кучера выпала сигарка. Тут желание мстить

брату покинуло меня, я почувствовала себя так же неловко, как он, и перешла на обычный шаг, без номера и названия.

Кузен явно хотел что-то сказать, но сдержался, покорно принял мой чемодан и поспешил прочь, делая вид, что не знает меня. Он шел так быстро, что мне приходилось почти бежать за ним, и очень скоро я стала выдыхаться. Мартин все шел и шел, петляя между домами и оградами, будто нарочно пытаюсь запутать. Только когда мы ушли с людных улиц и оказались ближе к тихой окраине, он остановился, повернулся ко мне и, наконец, выдал:

– Ты, Лисичка, пожалуйста, при матушке так себя не веди, она не любит... э-э-э-э, – он замялся, ища подходящее слово, способное описать что же именно не любит его матушка, так его и не нашел, и закончил беспомощным: – Ну ты сама знаешь.

Я знала. Котлета не любила все. Удивили меня больше не слова брата, а то, как они были сказаны. В его совете не было злобы или насмешки, только искреннее желание помочь. Это меня так ошарашило, что остаток дороги я сосредоточенно вслушивалась в чувства Мартина, как в человеческую речь и стараясь понять, что за перемена произошла с ним после нашей последней встречи. Так мы и шли, занятые своими мыслями до маленького жалкого домика в конце длинной улицы. Он был давно не крашен и не чинен, забор покосился, палисадник зарос крапивой и лопухами выше человеческого роста. Этому месту предстояло стать моим домом до тех пор,

пока я не сбегу.

Подходя ближе, я с сожалением почувствовала, что тетка Котлета запугала в этом доме всех, да еще и парочку соседей в придачу. Сама она стояла на пороге с неизменной гулькой-котлетой на голове и зло смотрела на нас. Не надо было уметь считывать эмоции, чтобы понять, что Котлета ненавидела меня страстно, с полной отдачей, с желанием травить меня месяцами, смотреть, как я умираю, а в последнюю минуту придушить собственноручно, просто в свое удовольствие.

– Приехала, наконец, – выдавила тетка сквозь плотно сжатые зубы удивительно доброжелательное для ее настроения приветствие. Я, скорее была готова услышать от нее: «Жаль, что тебя не сожрали крысы!», но она даже попробовала скрипеть рот в улыбке. Получилось довольно жутко, рот тетки не привык улыбаться. На этом ее долг был выполнен, Котлета ушла в дом, оставив меня на попечение все того же Мартина. Он, неуверенно, будто извиняясь, подвел меня к до боли знакомому чулану. Я недоверчиво перевела на него взгляд.

– Прости, – сказал он. У нас всего три комнаты. Наверху я и мои братья вшестером. Внизу кухня, чулан и спальня матушки. Если хочешь, можешь постелить себе на полу у нее. Я торопливо открыла чулан и стала быстро доставать из него швабры, метлы, ведра и всякий ненужный хлам, который таинственным образом всегда собирается в таких уголках. Лучше в этом склепе, чем у тетки. Пауки брызнули в

стороны, обидно бормоча проклятья на своем паучьем. Они продолжали бежать и утром, когда я выносила во двор прогнившие доски и палки, и днем, когда я сгребала в ведра мусор помельче, и вечером, когда отмывала от пыльных досок запах мышиного помета. Похоже, за день я разрушила целое паучье царство, оставив миллионы восьминогих крох без приюта. Целый день я провозилась, стараясь хоть немного придать зловещему склепу из моих кошмаров жилой вид. Последним штрихом было старое одеяло, чудом вынесенное в чемодане из приюта. Я кинула его на выщербленные доски пола, легла сверху, попыталась вытянуться во весь рост, но уперлась ногами в одну стену чулана, а головой в другую.

– Да уж, не дворец. В карете и то попросторнее было, – сказала я сама себе.

В ответ на эти слова мой живот голодно заурчал. Ни на обед, ни на ужин меня никто не позвал, и даже когда вернулись откуда-то пять остальных братьев, есть никто не собиравался. Братья прошли мимо моей коморки. Я только мельком смогла взглянуть на каждого, но и этого хватило, чтобы понять, какие они жалкие, усталые и голодные. От их сгорбленных спин веяло такой же обреченной безысходностью, как от Мартина. Они прошли не поздоровавшись, даже не заметив меня, тяжело поднялись по ветхой лестнице к себе наверх в спальню, и после короткой возни провалились в тишину. Братья спали. Я поняла, что и мне придется засыпать голодной, завернулась поплотнее в дырявое одеяло, но

сколько не крутилась – сон не шел. В голове мелькали разные образы, то забитого Мартина, то костлявой тетки, то рыжего кота, то красивого, но такого жестокого герцога.

«Сбегу!» – засыпая, сказала я.

Тетя Котлета была мастером по унижению, притеснению и крику. Она умела орать на каждого из своих шести несчастных сыновей по отдельности, вместе и небольшими группами. Они все, от старшего Мартина до младшего Дэвида, будто пригибались от ее оглушительных воплей.

Больше всего удивляло, что она не трогала меня – скрипела зубами, ненавидела, но не трогала. Это было так странно, что я даже отложила на потом план побега. Мне хотелось найти ответы на два вопроса: почему братья терпят тетку, и, почему она терпит меня. Я знала, что это не просто так, что она преследует какую-то свою цель. Любопытство победило даже голод, я стала ждать, когда ответы отыщутся. Завтрака тоже не было. С утра пораньше тетка отправила меня работать в огород, где я и пробыла до вечера. Было начало лета, и мне удалось найти листья щавеля и пару недозрелых ягод, это и была вся моя еда до вечера. Когда стало темнеть, чуть живая, очень грязная и голодная, я доползла до своей каморки и упала на скомканное одеяло.

– Ну у тебя и родственнички! – раздался из угла знакомый голос.

– Вряд ли у тебя лучше, – лениво ответила я. От усталости мне даже было лень удивляться, откуда здесь взялся Аль-

берт. – Ты меня преследуешь, что ли?

– Теперь да. Я решил, что ты можешь не согласиться взять меня к себе в новый дом, поэтому проследил за тобой вчера от самой кареты до этого места. Теперь ты от меня не избавишься, даже если захочешь. Кстати, твоя походочка номер три – высший класс, я чуть не лопнул от смеха.

– Тетка сначала сожрет тебя, а потом меня. И что касается первого пункта – правильно сделает, – обиделась я на реплику про походочку.

Кот мое предупреждение не воспринял всерьез, потому как остался лежать на прежнем месте. Зря он это, я говорила почти серьезно. А если тетка станет и дальше морить меня голодом, Альберта может поджидать опасность еще и с моей стороны.

К счастью, в этот вечер меня позвали ужинать. Видно, чтобы получить постную кашу в доме тетки Котлеты, нужно было прежде отпахать день в огороде на ее благо. За столом уже ждали шесть двоюродных братьев, высаженные по возрасту. Первым справа сидел Мартин. Рядом с ним – Джон и Артур. По другую сторону – Викар, Сим и Дэвид. Тетка, конечно же, села во главе стола. А мне, я так поняла, предназначалось тесниться за тремя младшими братьями. Все они отчаянно боялись любимую матушку и не менее отчаянно стеснялись меня. Я увидела их страх в цвете, что случалось нечасто. Они прямо-таки пульсировали свежей изумрудной зеленью. «Замечательный оттенок, – отметила я. – Когда-ни-

будь сошью себе такое платье».

– Ты опоздала, – ядовито заметила тетка. В ее спектре не было зеленого цвета, она расплывалась коричнево-оранжевым, напоминающим о чем-то ядовитом.

Было видно, что она очень старается держать себя в руках. Ее мелкие зубы точно склеились, чтобы случайно не выпустить рвущиеся наружу проклятья, но я видела ее гнев, еще не выйдя из своей каморки. Тетка об этом знать не могла. Я даже родителям не рассказывала, что вижу чужие эмоции, так что можно даже не пытаться их скрывать от меня.

– Если опаздываешь – значит, не хочешь есть, такие правила в этом доме, – выдавила из себя тетка.

– Я не ела два дня, и если не поем сейчас, то упаду в голодный обморок и завтра не смогу работать, – решительно ответила я, взяла предназначенный для меня стул, нагло передвинула его во главу стола, прямо напротив тетки, ехидно улыбнулась и плюхнулась на него прежде, чем она успела сказать что-то еще. Я решила, что сегодня поем, даже если Котлета будет оттаскивать меня от еды за ноги. Тетка тащить за ноги меня никуда не стала. Она тарщила свои злые выпуклые глазищи. Я, будто не замечая, что меня старательно испепеляют взглядом, взяла ложку и приготовилась вплотную заняться серой слизью на тарелке, громко именуемой кашей. Зубы Котлеты скрипнули, и она зыркнула так, что ложка выпала из моих рук.

– Помолимся богине, Хранительнице Весов, дарующей

нам жизнь и пищу каждый новый день, как это делают во всех хороших семьях, – Котлета молитвенно сложила руки, не переставая сверлить меня взглядом. Сыновья последовали ее примеру и приготовились молиться, с усилием подавляя жгучее желание проглотить еду в ту же секунду.

Молитва была невыносимо долгой, и я успела подумать, что за стремительно остывающую кашу можно так сильно и не благодарить, тем более вчера и позавчера еды мне Хранительница не даровала вовсе. А тетка все продолжала испытывать молитвой терпение богини не меньше, чем мое.

Как и следовало ожидать, за это время и без того мерзкая на вид жижа успела окончательно остыть и стать больше похожей на коровью лепешку, чем на еду. Ложка увязла в ней плотно и основательно. Я попыталась достать ее, потянула за кончик и подняла вместе со всем, что было в тарелке. Каша слиплась в студенистый блин. Кое-как высвободив ложку, я принялась есть. Неаппетитное кушанье исчезло очень быстро. У братьев было больше опыта борьбы с липкими субстанциями, поэтому их тарелки опустели еще раньше. Они, как и я, явно остались голодными, но взять со стола больше было нечего, даже сухая краюшка нигде не завалилась. Нечего было стащить для вечно голодного кота дворянского происхождения. Уйти, пока тетка не доест, тоже оказалось нельзя. Мы так и сидели всемером, провожая каждую ложку теткиной каши голодными взглядами.

Наконец она встала, и я с облегчением вышмыгнула из-

за стола и, сдерживаясь, чтобы не побежать, пошла к себе в каморку.

– Прости, кот, я тебе ничего не принесла, – виновато начала я, но запнулась на полуслове. Альберт лежал, обложенный колбасами, сыром и хлебом, и, как всегда, жрал.

– Видел я ваш семейный ужин, даже у моего братца атмосфера за столом получше будет. Как такую язву только Хранительница к себе не приберет.

– Ты где это все взял?

– Это все из погреба твоей очаровательной тетушки. Хорошо спрятан был, стервец. Я все когти себе обломал, пока у нее в комнате ковер отодвигал и дверь поднимал. Не стесняйся, бери.

На этот раз я с удовольствием взяла наворованное котом. Я не просто наконец-то наедалась, а восстанавливала справедливость.

– Ешь, ешь, – приговаривал кот. – На одной постной каше до замка моего братца не доберешься.

– А кто твой брат?

– Я же уже говорил. Герцог Рональд, – недовольно поморщился он.

Я подавилась и закашлялась.

– Герцог Страх! – крикнула я громче, чем надо, и, опомнившись, зашептала: – Ты не говорил! Да если бы я знала, я бы близко тебя к себе не подпустила!

– Успокойся, говорил, просто не прямо, а намекал.

– Что же ты к нему сам из кареты не вышел, обманщик? – сдавленно возмущалась я.

– Не вышел, потому что мне надо, чтобы он меня выслушал, а не убил на месте. Ты поможешь мне это устроить, и я от тебя отстану, а пока буду подкармливать, ты без меня здесь долго не протянешь.

Кот был прав насчет еды, и хоть я была сильно возмущена тем, что он мне сразу не сказал о своем родстве с самым страшным человеком в королевстве, я стала остывать.

– Я не смогу даже просто подойти к его замку. Меня убьют еще по дороге.

– Со мною не убьют.

– Да, с тобою, очевидно, не убьют. Сразу. Сначала будут пытаться.

Легенда про Мать Хранительницу Весов

Я прожила у тетки неделю, и это была не лучшая неделя в моей жизни. Если бы не кот, было бы совсем плохо, но он действительно оказался полезен и таскал еду с завидной регулярностью, причем как-то умудряясь не показываться тетке на глаза, так что она даже не подозревала, что кроме меня у нее поселился еще и огромный рыжий родственник знаменитого убийцы. Только благодаря ему я не голодала, в отличие от моих братьев. Они слушались мать беспрекословно, боялись поднять голову, делали все по ее первому слову, но она все равно умудрялась их наказывать с завидной регулярностью и оставлять даже без той жалкой еды, которую давала им обычно.

Как оказалось, тетя была очень предприимчивой. Кроме того, что она прятала в своем личном погребе еду, она еще неплохо зарабатывала на сыновьях. Каждый день к тетке приходили разные люди, коротко говорили с ней, и забирали кого-нибудь из братьев на целый день. У тетки после таких встреч неизменно оставалась в зажатом кулаке монета. Чаще всего забирали Мартина и Джона. Они были старше и могли делать трудную работу. Хотя младших иногда тоже забирали, в основном бабуси, которым надо было прополоть огород

или выпасти гусей.

Где-то на третий день моего пребывания у тетки, когда я стояла согнутая на ненавистных грядках и снова думала о побеге, ко мне подошел Мартин. Он только вернулся от одного из горожан после рабочего дня. Светясь робостью и воровато оглядываясь, он тихо сказал:

– Бросай свою прополку и пойдем со мной. Только тихо, чтоб никто не видел.

Сказать, что я удивилась – ничего не сказать, а Мартин уже уходил прочь, явно боясь, что его заметят. Я решила, что с удовольствием пройдусь, так как после дня работы в огороде у меня все болело, но главной причиной стало, опять-таки, любопытство. Бросив тяпку, я поспешила за братом, и вовремя. Он уже успел спрятаться за углом покосившегося сарая, и если бы я не поспела вовремя, то никогда бы не догадалась, куда он пропал. Мартин нырнуть в едва заметный просвет в листве кустарника, и мгновенно в нем растворился. Кусты без проблем спрятали двухметрового братца целиком.

«Лучше бы мне туда не лезть», – подумала я, и нырнула следом.

Внутри оказалось довольно много места. Ветки расходились в середине и смыкались вверху, образуя купол. Очень густые листья могли защитить не только от посторонних глаз, но и от дождя. Земля была утоптана, сюда часто заходили. Вокруг, опираясь на ветки, сидели все мои шесть бра-

тьев. Викар, Сим и Дэвид были такими тонкими, что толстые ветки кустарника позволяли им на них сидеть. Для почти взрослых Джона и Артура это было уже невозможно, да и не так интересно. Все молчали. У меня появилось предательское желание бежать, но я отчетливо ощущала доброжелательность каждого из них, и ожидание чего-то радостного.

Ответ нашелся быстро. Мартин достал из-за пазухи льняную тряпицу и развернул ее, открывая ржаной ароматный хлеб. Братья замерли, с благоговением наблюдая, как Мартин отламывает от него щедрые куски подрагивающими руками. Он делил спокойно, поровну, не роняя лишних крошек, и тут же отдавал новую долю в жадно протянутые руки братьев. Они набрасывались на полученный хлеб с остервенением, заталкивая его в рот грязными руками. Я получила честный кусок и стала его не торопясь жевать, глядя, с какой скоростью расправляются со своей долей братья.

– Откуда у тебя хлеб? – спросила я, когда Мартин дожевал.

– Мельник дал за работу. Он хороший человек, знает, что мы всегда голодные, поэтому когда нанимает меня, кормит себя и дает еще иногда с собой. Я люблю к нему ходить.

– Почему вы не уйдете от нее? – задала я терзающий меня вопрос. – Вы могли бы сами получать деньги за свой труд. Я уверена, этого бы вам хватило на более достойную жизнь.

Братья сидели, опустив головы. Им было страшно уйти. Их жизнь, хоть и не сладкая, была привычной и размерен-

ной. Если бы они сбежали от моей злобной тетки, им пришлось бы менять так много! Отстраивать дом, искать работу, налаживать быт и хозяйство, одалживать деньги на первое время, распахивать поле, и самим принимать решения. Последнее их пугало больше всего. С удивлением я поняла, что они ни разу не задумывались о том, чтобы уйти. Я оказалась тем нарушителем спокойствия, который селит в чужих головах новые образы, заставляя что-то менять.

Из кустов выходили по одному, с опаской оглядываясь. Братья явно дорожили секретом этого места. Кусты за полуразвалившимся сараем стали храмом их спокойствия, безопасности и сытости. Как же жаль мне было оказаться тем самым человеком, который разрушил тайну этого места. В тот момент, когда я раздвигала упругие хлесткие ветки укрытия, дверь дома открылась, и Котлета высунула наружу сидящую растрепанную голову, чтобы позвать кого-то из сыночек. Неприятные мурашки пробежали по спине. Хоть тетка почти сразу спряталась обратно, я была уверена – она успела меня заметить.

Вернувшись к себе, я нашла Альберта непривычно сердитым. Раздражение вперемешку с тревогой электризовали его шерсть и в полумраке чулана я видела, как по ней проходят едва заметные разряды.

– Куда это тебя водил Мартин? – спросил кот, так ревниво уставившись на меня, что стало неловко. Я не успела ответить, кота прорвало:

– Я ему морду расцарапаю, все углы в спальне помечу, скажу тетке, что он еду ворует, напишу донос королю, на-
траваю на него все дворянство во главе с братцем! Что этот
негодяй хотел от тебя?

Кот так трогательно меня ревновал, что я не выдержала и
рассмеялась. Альберт так на это обиделся, что отвернулся к
стенке, презрительно фыркнул, и решил не разговаривать со
мной весь вечер.

– Ну прости, – сказала я, все еще продолжая смеяться. –
Я не хотела тебя обидеть. Мартин просто делился со мной
едой, ничего такого. И ты не должен в следующий раз меня
так ревновать. Я понимаю, что ты любишь меня, я тебя, но
ты – кот, а я человек, нам придется искать пары среди своих.

Альберт только задвинулся еще глубже в угол, окатывая
меня презрением и неприступностью. Мне ничего не оста-
валось, кроме как применить силу. Я схватила его поперек
лохматого тела, повалилась на спину, плюхнула к себе на жи-
вот, стала тискать, щекотать за ушами и гладить по густой
шерсти. Альберт сперва пытался вырваться, но потом разо-
млеl и блаженно размяк.

– Откуда ты знаешь, что Мартин меня вообще куда-то во-
дил? – решилаcь спросить я, когда кот не выдержал и заур-
чал от удовольствия.

– Видел в окно, – буркнул он, стараясь сделать морду оби-
женной, но довольное выражение никак не хотело прятатьcя.
– Я как раз в это время был у тетки в комнате, пополнял

запасы. Оттуда огород виден как на ладони, а там ты со своим Мартином.

Я снова подумала о Мартине и голодных затравленных братьях. Мне стало их ужасно жаль.

– Скажи, Альберт, почему одним людям везет, они получают все и сразу, а другие всю жизнь бьются, а в итоге ничего не имеют, кроме жалких крох.

– Недостаточно стараются, – сонно потянувшись сказал Альберт. – Или просто не везет. Иногда не знаешь, где копнуть, чтобы к тебе пришла удача. Надо уметь поймать золотую рыбку за хвост, как в сказке.

– В какой? – немного смутившись спросила я.

Кот выпучил глаза и посмотрел на меня, как на дуру.

– Надеюсь, ты хоть читать умеешь. Ну, «Золотая рыбка»! Книга такая красивая была, в парчовом переплете со страницами из алой кожи. Чернила золотые, у всех моих друзей такая была.

Понятно, почему я не читала. Парча и алые страницы – это достояние очень богатых людей. Дочери трактирщика оставалось только мечтать о такой роскоши.

– Расскажи! – попросила я. Было скучно, и так хотелось отвлечься от серых, голодных, загруженных работой будней.

– Еще чего! – лениво отказал кот, но по его морде было видно, что он просто ломается. После недолгих уговоров Альберт поддался и стал рассказывать, а я засыпать под его голос, мягкий, как шерсть.

– Однажды жил-был один невезучий и нерасторопный маг. Само слово «неудача», появилось вместе с ним. Маг пугал элексиры, продавая вместо снотворного мочегонное, никогда не возвращался с рынка с деньгами – его вечно тощий кошель оказывался невыносимо притягательным для всех воров, злые и жадные заказчики обожали его, предпочитали из десятка других, и никогда не платили. Маг пробовал снова и снова, варил сложные зелья, сбрасывал цену, менял города, но результат всегда был один – нищета и гонения преследовали его. Наконец, магу так надоела божественная несправедливость, что он решил отречься от магии навсегда и искать утешение в рыбалке. В первый же день, он поймал странную рубку. Маг мало понимал в рыбе, но с этой явно что-то было не так. Может, его насторожило, что рыба гаворила.

– Я прекрасная принцесса, – вещала она противным писклявым голосом. – Расколдуй меня или отнеси к моему отцу, он заплатит тебе по-царски!

«Почти как у нас, правда?» – сделал отступление Альберт.

Но маг не поддался на эти уловки. Он не мог допустить, чтобы на этот раз его одурачила еще и рыба. Маг посадил рыбку в банку с водой, принес ее на рынок и стал продавать, как волшебную. Он приписал ей все магические способности, которые были доступны его фантазии. В тот момент, как он заявил, что рыбка возвращает молодость, дарует вечную жизнь и истребляет врагов одним взглядом, один чудакова-

тый старикашка, вместо того чтобы спросить: «А зачем же ты тогда ее продаешь?», купил ее за баснословные деньги.

Тогда маг приготовил отвар, меняющий лицо, уехал в отдаленный городок на берегу прекрасного озера, и остался там доживать свой век.

Между тем чудаковатый старикашка принес рыбку домой, выяснил, что та ничего не умеет из вышеперечисленного, зато болтает получше продававшего ее мага. Внимательно выслушал рыбку, старикашка отнес ее к королю. Король принял его с распростертыми объятьями. Оказалось, что это действительно его дочь. Ее расколдовали, спасителю отсыпали в три раза больше золота, чем он отдал за нее магу, сделали его придворным вельможей и оказывали почести до самой смерти. Что касается мага, он не умел обращаться с деньгами, быстро все промотал и умер в нищете.

Из этой истории следует сделать два вывода, – поучительно заключил кот. – Первый – иногда люди просто не видят, что удача у них в руках. Второй – нельзя обманывать доверчивых людей.

Выводы я полностью прослушала. Меня накрыл глубокий спокойный сон, заполненный золотыми рыбками, поросшими рыжей шерстью. Среди них плавала одна с кошачьей мордой. Она улыбалась, хитро шурилась, показывала язык, пока ее не выловил из воды голыми руками герцог Страх...

Еще несколько дней прошли так же, как и предыдущие. Проклятые грядки стояли перед глазами, даже когда я ло-

жилая спать. Спина ныла теперь не переставая, оттого что приходилось все время стоять согнутой. Нос от постоянного солнца обгорел и облупился, грязь из-под ногтей, казалось, уже не вымоется никогда.

– Убегу! – говорила я каждый раз, когда возвращалась в каморку и прижимала к себе теплого полусонного Альберта.

– Не торопись, – лениво приоткрывая один глаз отговаривал кот. – Здесь не так и плохо.

Конечно, рыжий гад ничего не делал, кроме как спал и таскал еду из теткиных запасов. Ему в этом доме и впрямь было хорошо. Альберт обворовывал тетку, не стесняясь, странно, что она до сих пор ничего не заметила. Наворованные им сухари уже не помещались на верхней полке и иногда сваливались по ночам прямо мне на голову. Хорошо, что тетка ни разу не заглянула в мою каморку, иначе у нас не осталось бы выбора, кроме как бежать, а надо было еще помочь братьям, и, все-таки, найти ответ на вопрос зачем же я понадобилась тетке.

На третий день после того, как Мартин угостил меня хлебом, случилась беда. Еще в обед тетка Котлета отправила младшего, Дэвида, за водой к колодцу. Его не было час, два, три. Уже вернулись с работы все братья, я выбралась с проклятого огорода, а его все не было. У любой матери это вызвало бы беспокойство, но не у Котлеты. Она с каждой минутой ожидания наполнялась все большей злобой. Так прошел еще час прежде, чем тетка, взбешенная до предела, са-

ма пошла искать Дэвида. На ходу она кричала, что лучше бы Дэвиду вообще не родиться, и что она прибьет маленького гаденыша так, что он сильно пожалеет о своем проступке. Когда она ушла, я и все братья выбрались потихоньку из дома и тоже отправились на его поиски, всем сердцем надеясь отыскать его раньше Котлеты. Но тетке повезло больше. Она нашла Дэвида незамедлительно, первым же делом проверив заветное укрытие в кустах. Проклятая тетка все-таки заметила меня тогда.

Маленькому Дэвиду было всего шесть. Оказалось, что, когда он отодвигал крышку с колодца, его ведро случайно упало вниз. Колодец был глубоким, ведро безжалостно булькнуло и ушло под воду. Одну минуту Дэвид даже думал прыгнуть следом, но, к счастью, нашел другой выход. Он решил бежать, и его маленький шестилетний ум вспомнил единственное укрытие, где мальчику всегда было хорошо и сыто.

Когда тетка вытащила Дэвида из кустов за руку, его лицо было испуганным и заплаканным, он уже был наказан за свой проступок, но для жестокой тетки этого оказалось недостаточно. Она приказала Мартину принести розги и долго порола сына, пока тот кричал и плакал. Тетка Котлета оказалась еще страшнее ведьмы Мут, та хотя бы порола не собственных детей, молящих о пощаде.

После вида этой расправы я долго не могла заснуть, лежала и слушала, как жалобно скулит в спальне мальчиков Дэвид. Альберт меня успокаивал, подкатившись под бок, грея

его и говоря непривычно добрые слова. Было уже за полночь, тетка давно храпела в своей комнате, а Дэвид все плакал. Тогда я не выдержала, решительно встала, быстро натянула платье и собрала в фартук припрятанную еду. Стараясь не шуметь и обходить скрипучие половицы, я потихоньку поднялась наверх в спальню к братьям. Все шестеро ютились в убогой крохотной комнатенке. В ней было бы тесно и троим, а втиснутые в нее шесть мальчиков разного возраста оказались просто в ужасной давке и грязи. Едва я открыла дверь, в нос ударил неприятный тяжелый запах, источаемый засаленными, пропитанными потом матрасами. В тот момент я с особой ненавистью представила себе просторную комнату тетки на первом этаже, которую она ни с кем не собиралась делить. Конечно, иначе ей пришлось бы раскрыть секрет своего чулана, забитого сырами, колбасами и вареньем.

Никто из братьев не спал, все сидели вокруг Дэвида и старались его успокоить. Моего появления не ждали, поэтому при звуке открывающейся двери все дернулись к постелям и притворились спящими, даже Дэвид затих. Поняв, что это не их мать, они удивленно уставились на меня.

– Я вам еды принесла, мальчики, – сказала я вместо приветствия.

Вряд ли их могло порадовать что-то больше. Дэвиду я первому щедро насыпала сухарей в подставленные ладони, ему досталась большая их часть. Остальные поровну разделила между братьями. Дэвид ел, лежа на животе, слезы все

еще катились по его лицу, но он начинал успокаиваться, уж это я умела чувствовать лучше других еще с детства. Пока они ели, я открыла окно, впуская свежий воздух, смочила водой полотенце и сделала компресс. Дэвид попробовал протестовать, вспыхнув от стыда, но облегчение и простая человеческая забота успокоили его.

– Не унывай, братишка, – ободряюще сказала я. – Нас знаешь как в приюте пороли? Не переставая! У няньки даже рука болеть начинала к вечеру. Но все всегда заживало. А тот, кто бьет детей, рано или поздно попадет на суд к Хранительнице. Ты же знаешь про это?

Он не знал. Остальные братья тоже выглядели удивленно. Обычно легенду про Хранительницу Весов рассказывали детям чуть ли не с рождения, и для этого не нужна была парчовая книга с алыми страницами.

– Кому же вы тогда молитесь перед едой? – недоумевала я. – Ладно, если ваша матушка никогда не рассказывала, тогда расскажу я.

Все в комнате стали хрустеть сухарями потише, даже самым старшим было интересно послушать, будто они в жизни сказок не слышали. Я стала рассказывать, напомнив сама себе Альберта, поучительно мурлычущего про золотую рыбку.

Давным-давно за небесным полем, усеянным звездами, росло волшебное Древо жизни. Цветы с его веток разлетались по бесконечной пустоте и распускались многоцветными огнями, раскрашивая скучное полотно бескрайней темноты

яркими узорами. Так длилось целую вечность, но даже вечности приходит конец. Каменеющие в звездной пыли корни уже больше не питали Древо, как прежде, оно медленно умирало. В своем смирении перед неизбежным, Древо сумело дать жизнь последнему цветку. Он был самым красивым из всех, что когда-либо распускались, и Древу понадобилось много мудрости и любви, чтобы дать ему свободу. Бездумный ветер подхватил последний цветок, и, не способный понять его ценность, понес прямо к молодому пламенному богу Солнце. Бог Солнце был горячим и безжалостным, он выжигал все, до чего дотягивались его лучи, но красота цветка тронула его сердце. Он пожалел беспомощный и невообразимо нежный цветок, подхватил его легким дуновением и опустил на землю, пустующую под ним. С замиранием сердца бог Солнце смотрел, как цветок пускает корни и прорастает новым деревом. Впервые он даровал, а не отнял жизнь. Дерево росло, его ветки поднялись выше неба, дотянулись до Солнца и коснулись его в поцелуе. В этом порыве любви и благодарности дерево исчезло, превратившись в Великую Мать Хранительницу. Горячее сердце Солнца всегда было готово к любви и ненависти, Мать Хранительница повернула его к любви.

Днем они бесконечно любовались друг другом, а по ночам, когда Солнце скрывалось, чтобы не тосковать, Хранительница создавала сначала такие же деревья, как и то, из которого вышла сама, затем травы и цветы, а следом животных

и птиц. Восхищенная сделанным, Хранительница заплакала от счастья, и там, где ее слезы коснулись земли, появились люди. Они были не такими, как все другое, что она создала. Они были одинаковые, и в то же время разные. Они завидовали, ссорились, предавали, убивали друг друга, совершали ужасные преступления, строили козни. Порой было невыносимо смотреть на то, что они творят. Хранительница думала стереть их, собрать в ком и слепить что-то новое, но не посмела, потому что эти же люди любили, прощали, радовались, сочиняли стихи и песни, писали музыку, ткали полотна. Они были творцами, как сама Мать Хранительница, и она не смогла стереть их. Вместо этого, она взяла в руки волшебные весы и стала взвешивать поступки людей. Если попадался ей человек, который приносил больше горя, чем радости, забирала его богиня и превращала во что-нибудь другое.

С тех пор Мать Хранительница и бог Солнце держат волшебные весы и заглядывают в души людей, ища тех, кто больше рушит, чем создает, а найдя – навсегда забирают.

Я замолчала. Маленький Дэвид лежал с раскрытым ртом. Забытые сухари раскатились по матрасу. Двенадцать пар глаз неотрывно смотрели на меня, боясь спугнуть момент. Наконец, поняв, что я больше ничего не скажу, Мартин задал вопрос, который их всех сейчас волновал:

– Хранительница заберет маму?

Несмотря на то, что им так плохо и голодно жилось, всех

кольнул страх, они любили мать. Я вздохнула.

– Нет, Мартин, это просто легенда. Но даже если бы это была правда, надо быть редкостным негодяем, чтобы богиня пришла за тобой. А теперь пора спать, тетя вряд ли подарит нам завтра выходной.

Пожелав им спокойной ночи, я пошла к себе. Спускаясь в тишине по лестнице, я слышала, как они радуются, мечтают, тревожатся, погружаются в задумчивость и потихоньку уплывают в сон. Это я улавливала душой, а ушам доставался только противный храп ненавистной тетки.

Зачем сирота тетке

Вопреки моим ожиданиям, вредная Котлета устроила нам выходной. Утром вместо того чтобы, как обычно, нагрузить нас работой, она заставила всех умыться и одеться в лучшую одежду.

Лучшая одежда братьев выглядела почти так же убого, как и обычная. Единственная разница была в том, что она оказалась чистой, а дыры на ней были зашиты. Но даже с такими незначительными изменениями братья стали выглядеть куда лучше. Я поймала себя на том, что люблюсь ими. Мартин был самым высоким, но следующие за ним по возрасту Джон и Артур отставали от него ненамного. Все они были сероглазые и светловолосые, как на подбор. Я подумала, что в таких красавцев можно легко влюбиться. Жаль, что обычно вся эта красота прячется под невероятным слоем грязи и стеснения.

Я разложила два своих платья на полу в коморке, долго смотрела на них, пытаясь понять, какое же лучше. Оба они заносились и выстирались за те два года, что были у меня. Кроме того, они были коротковаты, потому как за это время я подросла, а они – нет. Кот посмотрел на меня как на ненормальную.

– Ты чего на них так смотришь? Думаешь, от твоего взгляда они станут похожи на одежду?

– А у тебя и такой нет, – обиделась я.

– И слава богине, – поежился кот. – Эти обноски оскорбляют само слово «одежда».

Я с огорчением поняла, что Альберт прав. Это были прекрасные платья, когда-то очень, очень, очень давно. Я вздохнула, взяла то, что лежало левее, и натянула его поверх рубашки, решив, что оба наряда одинаково плохи.

– Прости, дружище, – извинилась я перед оставшимся на полу платьем. – Ничего личного.

Но платье, похоже, все-таки расстроилось.

Накрытый теткой стол выглядел еще более жалко, чем обычно. Мерзкая каша, вид которой вызывал у меня теперь содрогание, была еще более серая, чем обычно, и ее казалось еще меньше. Сама тетка выглядела чуть аккуратней, ее гулька-котлета была посередине, а на лице появилось что-то вроде удовлетворения.

Мы сели за стол, но есть было нельзя, пока хозяйка не даст команду, а команду она давать не спешила. Котлета кого-то ждала и боялась, что мы все съедим до того, как этот кто-то оценит ее «щедрость». Скоро стало ясно, кто должен был увидеть наш жалкий завтрак.

В дверь вежливо постучали. Тетка зыркнула на всех и прошипела сквозь зубы:

– Только ляпните что-нибудь – заморю, – она натянула фальшивую улыбку и пошла открывать дверь.

На пороге стояла пухлая опрятная женщина с добрым ли-

цом. Она была ответом на вопрос, который мучил меня и не давал бежать все это время. Едва взглянув на нее, я поняла, для чего тетка согласилась взять меня из приюта и терпеть всю эту неделю, для чего были вымыты лица и почему каша сегодня казалась особенно отвратительной. Тетка хотела денег.

Уже сто лет в нашем королевстве существовал закон о помощи вдовам, введенный еще прадедушкой короля. Этот закон существовал до сих пор. Наш добрейший король Альвадо всячески оберегал своих подданных и следил за тем, чтобы бедные вдовы получали немного золота из королевской казны, как когда-то решил его прадед. Правда, он внес в этот закон одну поправку, которая сильно навредила тетке Котлете четыре года назад.

Когда мой дядя отправился к Матери Хранительнице и Котлета овдовела, у нее было шестеро детей – как раз столько, сколько было необходимо, чтобы получить увесистый кошелек с королевским гербом на нем. Но тетушке не повезло, именно в этот день была принята та самая поправка. Теперь помощь получали только вдовы с семьей детьми. Возможно, в тот момент она и тронулась умом, превратившись из просто вредной тетки в жестокую сумасшедшую. И вот теперь она, наконец, нашла способ получить деньги, которые считала своими по праву и притащила меня из приюта.

Женщина, стоявшая на пороге, была королевской смотрительницей, которая проверяла, действительно ли семье нуж-

на помощь. Она должна была осмотреть дом, детей, все хозяйство, выяснить, насколько семья нуждается в деньгах и пойдут ли они ей на пользу. От ее решения зависело, получит Котлета королевскую помощь или нет.

На эту должность людей выбирали опять-таки маги, главным образом проверяя соискателей на доброту и честность, чтобы избежать воровства. Желающих получить королевские деньги, но не довести их до места, было куда больше, чем тех, кто действительно хотел помочь.

Тетка водила гостью по дому и показывала ей свое убогое хозяйство, постоянно причитая, как тяжело растить столько детей бедной одинокой женщине. Я сидела за столом среди своих братьев, глядя на то, как она суетится, и в какой-то момент поняла, что после ухода смотрительницы мне не будет жизни в этом доме, каким бы ни было принятое ею решение. Терять мне было нечего. Пока тетка и смотрительница обходили огород, щедро политый моим потом, я побежала к себе в каморку и выгрестила все наши с котом запасы.

– Такая голодная? – поинтересовался Альберт.

– Даже больше. Не хочешь ли позавтракать со всеми за столом? – предложила я, сама поражаясь своей наглости.

– Мне нравится твой стиль, детка, – усмехнулся Альберт и пошел за мной на кухню, где я выложила на стол кольца вяленых колбас, масло в горшочке, варенье, мед, хлеб и сыр.

Мало сказать, что братья были удивлены. Нет такого слова, которое смогло бы описать степень их растерянности и

непонимания.

– Налетайте, – скомандовала я. – Это мой прощальный подарок.

Мои недокормленные братья, увидев, как я расправляюсь с бутербродом, сделанным прямо у них на глазах, как жирный Альберт, не стесняясь, грызет одну из лучших колбас, без лишних вопросов последовали нашему примеру.

Когда тетка и смотрительница вернулись на кухню, пир был в полном разгаре. Глаза Котлеты выпучились до того, что я побоялась, как бы они не выпали.

– Бедные детки, голодные! – посочувствовала смотрительница, любуясь, как мы всемером в компании рыжего кота налегаем на ворованные припасы.

– Еще какие, – сказала я. – Нам здесь поесть не всегда приходится. А еще можете спросить у тетушки, почему младшенький сегодня ест стоя, и почему спины у остальных не разгибаются, и почему руки все в мозолях, а еда на столе в изобилии только сегодня. А главное, спросите у тетушки, почему она еду из своего погребка не достает, даже когда родные сыновья от голода уснуть не могут.

Лицо смотрительницы вытянулось. Она взглянула на тетку. Больше выносить меня, воруящую ее мечту, Котлета не могла, и гнев, который копился в ней целую неделю, вырвался наружу.

– Дрянь! – завопила она. – Мерзкая тварь! Гадина! – тетка схватила стоявшую у входа в кухню тяжелую метлу и по-

шла на меня. Метла дополнила картину, сделав Котлету еще больше похожей на ведьму. Она бы избилась меня, не задумываясь, даже несмотря на то что ее гостя все еще была здесь. «Ну уж нет! – подумала я. – Бить себя я никому не позволю!»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.